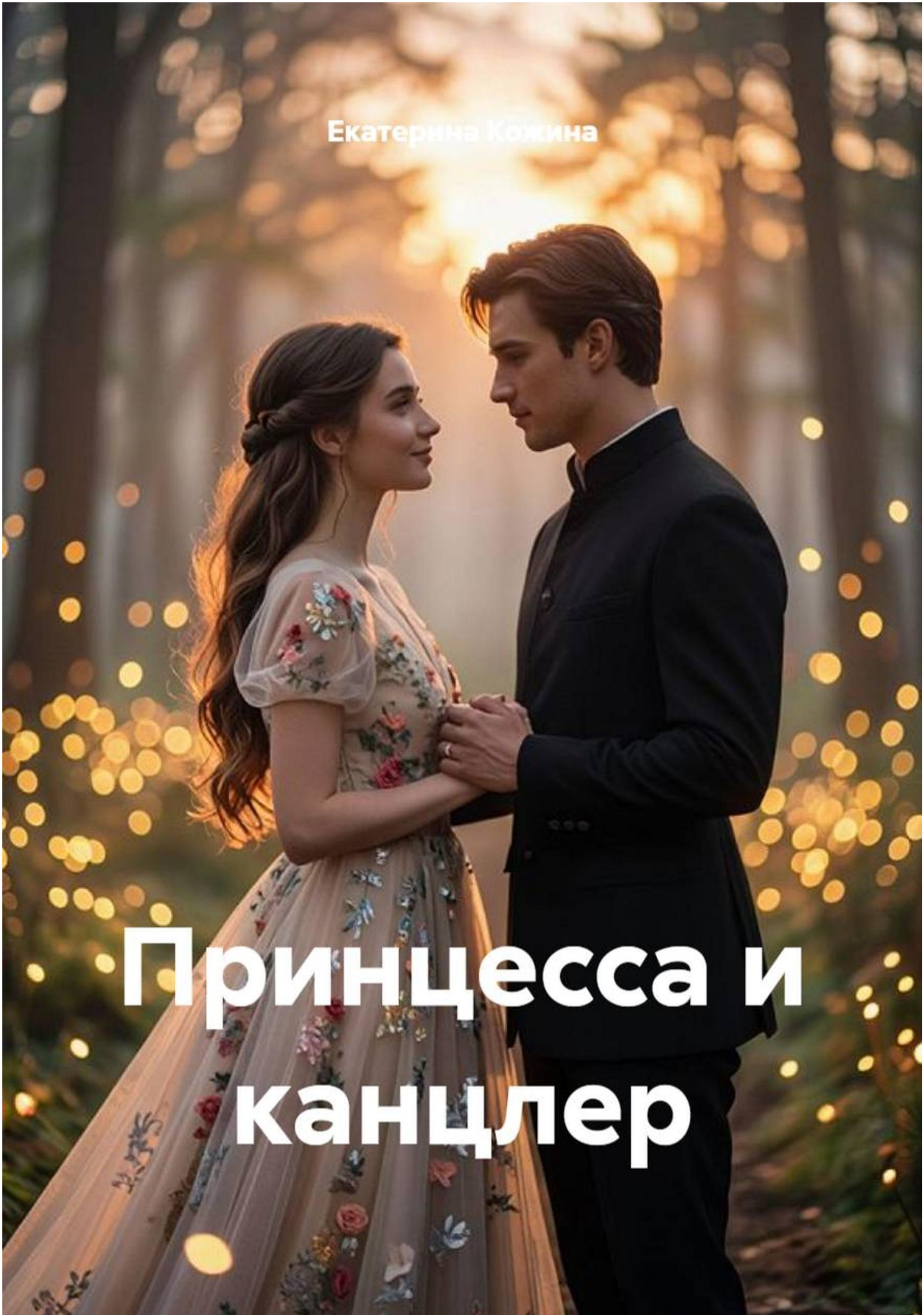
Екатерина Кожина

Принцесса и канцлер

Екатерина Кожина

Принцесса и канцлер

«Автор»
2026

Кожина Е.

Принцесса и канцлер / Е. Кожина — «Автор», 2026

Чтобы спасти возлюбленного от тайной казни, принцесса решается на отчаянный скандал и подставляет их обоих под вынужденный брак и ссылку.

© Кожина Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 14
Глава 7 15
Глава 8 17
Глава 9 19
Глава 10 21
Глава 11 23
Глава 12 25
Глава 13 27
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Екатерина Кожина
Принцесса и канцлер

Глава 1

Вечер в честь ее двадцатиоднолетия неумолимо катился к финалу, но для самой Селесты праздник так и не наступил. Оглушенная блеском, фальшивыми улыбками и ароматами духов, принцесса малодушно сбежала. Скрывшись в уединенном уголке бальной галереи, за плотными, пахнущими пыльной роскошью бархатными портьерами, она наконец-то смогла вздохнуть полной грудью и посмотреть туда, куда стремилась ее душа.

Взгляд — в который раз! — безошибочно, точно по навигатору, отыскал в толпе лорда Валериана. Тайный канцлер. Мужчина, от одного имени которого по дворцовым коридорам шел ледяной шепот. Он стоял у противоположной стены, едва заметно отвернувшись от ликующей толпы, словно отгораживаясь от нее невидимой стеной. Безупречный черный камзол сидел на его широких плечах как влитой — строгий, элегантный, без единой лишней детали. Слуги шептались, будто канцлер — безжалостное чудовище, но девушка видела другое: смертельную усталость сильного человека, несущего на себе груз всей Империи даже здесь, посреди глупого празднества.

Внезапно по ее коже пробежала волна предвкушения. Внизу, у самой ладони Валериана, скрытой от любопытных глаз тяжелыми складками ткани, лениво, почти ласково вились угольно-черные искры. Его магия. Первозданная Тьма. Опасная, способная испепелить в минуту, но для принцессы она была самым желанным, притягательным зрелищем во Вселенной. Током прошибало от одного взгляда на эти живые тени.

Она любила его. Два долгих, мучительных года. Любила обреченно, преданно, замирая от собственной дерзости. Селеста слишком хорошо знала свою слабость: стоило лишь представить, что она делает шаг из своего укрытия, подходит к нему и заставляет обернуться, как легкие сжимал невидимый обруч. Сердце испуганной птицей принималось биться о ребра, дыхание перехватывало до тошноты, а в горле застревал тугой ком. Страх оказаться дурой, выдать себя дрогнувшим голосом или блеском расширенных зрачков парализовал волю. И ей не оставалось ничего другого, кроме как прятаться в темноте, жадно впитывая каждый его жест и превращаясь в его личную, безмолвную тень.

Валериан в этот момент с непроницаемым видом выслушивал очередную тираду пожилого министра финансов. Канцлер безупречно держал лицо: вежливо кивал, что-то негромко ронял в ответ, а его губ касалась едва заметная, чисто протокольная улыбка. В этом человеке не было ни капли той картинной, злодейской жестокости, которой пугали фрейлин. Сейчас он казался просто пугающе сдержанным, чертовски притягательным мужчиной, глубоко погруженным в свои мысли.

Едва зануда-министр откланялся, канцлер на секунду остался в одиночестве. Его хищный, оценивающий взгляд медленно, по-хозяйски обвел бальную залу, сканируя обстановку.

Девушка за портьерой замерла, прекратив дышать. Сердце предательски ухнуло куда-то вниз, когда ей показалось, что его холодные, пронзительно-серые глаза на долю секунды зацепились именно за ее укрытие. Прожгли плотный бархат насквозь. Пальцы судорожно сжали дорогую ткань юбки, а к щекам хлынул обжигающий жар. Внутри бушевал настоящий шторм: принцесса до безумия хотела, чтобы он сделал шаг к ней, сорвал эту чертову портьеру… и одновременно отчаянно молила небеса, чтобы он остался на месте, спасая ее от позора.

Но Валериан не двинулся. Вальяжным, чисто мужским жестом он поправил белоснежный манжет камзола, сделал глоток из бокала и переключил внимание на вытянувшегося струнко гвардейца.

На официальных приемах этот мужчина всегда относился к ней с почтением. Ровный голос, безукоризненные поклоны — и абсолютная, глухая стена. Он никогда не искал встречи с ней. Для великого тайного канцлера она оставалась лишь хрупкой деталью королевского интерьера. Частью правящей династии, которую он был обязан защищать и оберегать. Далекой. Безмолвной. Совершенно чужой.

Селеста тихо, обреченно выдохнула, прижимаясь пылающим лбом к спасительно-прохладному мрамору стены. Грудь сдавило знакомой, щемящей болью, в которой мешались сладкий яд и чистая мука. Ей было достаточно просто дышать с ним одним воздухом. Делить этот душный вечер. И знать, что его великая тайна — его опасная, темная магия — разворачивается только для нее одной, пусть даже сам он никогда не узнает, какие костры полыхают в душе его маленькой принцессы.

Глава 2

Музыка к концу праздничного вечера становилась все тише, превращаясь в тягучую патоку. Когда пришло время для финального аккорда — завершающего танца, Селеста поняла: сейчас или никогда. На секунду зажмурившись, она буквально вытолкнула себя из спасительного укрытия портьер. Ей пришлось нацепить дежурную маску, чтобы принять последние, уже сонные поздравления от придворных, но все мысли принцессы были сосредоточены на одном. По незыблемой традиции этого вечера, именинница имела священное право — сама выбрать кавалера на белый танец.

Собрав в кулак остатки тающего мужества и заставив дрожащие колени повиноваться, девушка шагнула к Тайному канцлеру. Замерла перед ним и опустилась в безупречном, легком реверансе. В серых глазах Валериана на долю секунды промелькнуло подлинное, нескрываемое удивление, которое он тут же спрятал за маской вежливости. Мужчина молча, тягучим движением протянул ей свою руку.

Шаг навстречу. И мир вокруг просто перестал существовать.

В танце не нужно было выдавливать из себя слова, и для Селесты это стало спасением. Она просто отключила разум, позволяя себе без остатка раствориться в этом безумии. Ее маленькая, ледяная от волнения ладошка утонула в его огромной, сухой и горячей ладони. От Валериана пахло морозной свежестью и едва уловимым, чисто мужским ароматом силы. Он вел ее потрясающе — уверенно, властно, но при этом удивительно бережно. На таком близком расстоянии Селеста буквально кожей, каждой клеточкой своего существа улавливала покалывающие, вибрирующие волны его скрытой магии. Ее прошибало током от каждого общего вдоха. Это молчаливое объятие под прицелом сотен глаз стало лучшим, самым греховным и желанным подарком, который она сделала сама себе на двадцатиоднолетие.

Когда музыка безжалостно смолкла, Селеста подарила ему полную невысказанной благодарности улыбку и, не оглядываясь, сбежала в свои покои. Сердце колотилось, но внутри разливалось пьянящее, почти пугающее счастье.

Разумеется, уснуть она не смогла. Стоило закрыть глаза, как кожа снова загоралась от фантомных прикосновений Валериана, а в ушах стучал ритм вальса. К двум часам ночи, измученная взбудораженной памятью, принцесса не выдержала. Накинув прямо на шелковую сорочку темный плащ с глубоким капюшоном, она выскользнула в коридор. Ей нужно было остудить этот внутренний пожар. Девушка наизусть знала графики дворцовых караулов и слепые зоны, поэтому двигалась бесшумно, словно призрак, искусно обтекая посты стражи и редких ночных слуг. Она шла вперед, ведомая лишь ночной прохладой и собственным мятежным сердцем.

Проходя мимо тонущего в глубоких тенях восточного крыла, она вдруг замерла. В самом конце коридора, где на паркет ложились неверные полосы лунного света, бесшумно, словно хищник на охоте, мелькнул высокий мужской силуэт. Сердце испуганно споткнулось, а затем заколотилось с удвоенной силой. Ей не могло померещиться. Эту царственную осанку, этот разворот широких плеч и скользящую, опасную манеру двигаться она узнала бы из тысячи. Валериан.

Забыв обо всем на свете, ведомая лишь импульсом, принцесса почти перестала дышать. На цыпочках, стараясь не издать ни единого шороха, она двинулась следом за исчезающей тенью. Шаг, еще один... Селеста резко завернула за угол, но ее ждало разочарование — коридор встретил ее пустотой.

Грудь сдавило от обиды. Вздохнув, она уже повернула было назад, как вдруг из глубины соседней галереи донесся отчетливый, размеренный шаг ночной стражи. Кованые сапоги гвардейцев безжалостно рушили тишину.

Паника ледяной волной окатила сознание. Попасться в таком виде — посреди ночи, в одной исподней и плаще — означало грандиозный скандал. Селеста поспешно юркнула в ближайшую глубокую нишу, буквально замуровав себя за пыльной портьерой. Спиной она со всего размаху вжалась в каменную кладку, но стена под ее пальцами неожиданно... качнулась. Сердце ушло в пятки. Вслепую нащупав в темноте скрытый рычаг, принцесса похолодела от осознания: она случайно открыла потайной ход.

Дикий, будоражащий коктейль из страха и любопытства ударил в голову. Девушка, стараясь не скрипеть петлями, на пару миллиметров толкнула потайную дверь и замерла, превратившись в слух. Из кромешной, пахнущей сыростью и склепом темноты узкого прохода донеслись приглушенные, зловещие голоса. Кожа мгновенно покрылась крупной дрожью.

— ...все должно произойти дня через три, когда он закроется в лаборатории для ежемесячного ритуала, — с пугающей четкостью произнес хриплый мужской голос. — В этот момент его Первозданная Тьма будет на пределе, он окажется уязвим. Против сонного яда, запущенного в вентиляцию, не устоит даже его магия. Как только Валериан ослабеет, мы нанесем удар. Канцлер должен умереть. Иначе наш план обречен.

Внутри все заледенело, мысли разбились вдребезги. Воздух в легких превратился в колючий лед. Двое прямо сейчас, в паре шагов от нее, хладнокровно планировали убийство мужчины, которого она любила больше собственной жизни. Весь ее мир сузился до одного бешеного стука в висках и страшной истины: у нее было ровно три дня, чтобы совершить невозможное и спасти своего Тайного канцлера.

Глава 3

Приглушенный, рокочущий мужской голос, донесшийся из-за потайной двери, заставил сердце Селесты пропустить удар, а затем болезненно сжаться. Ошибки быть не могло. Этот властный, холодный баритон она узнала бы из тысячи. Ее отец. Король.

О том, чем именно верный, всегда безупречно канцлер умудрился насолить государю, принцесса не имела ни малейшего понятия. Да и какая разница, если прямо сейчас на ее глазах вершилась его судьба?

Оставшиеся до рассвета часы превратились для девушки в пытку. Каждая минута капала на воспаленный мозг раскаленным свинцом. На рассвете, бледная, с тенями под глазами от бессонницы, она уже была на ногах. Принцесса подняла сонных служанок, стоически перенесла недовольное ворчание строгих пожилых матрон, приставленных к ней надзирателями ради сохранения пресловутой «королевской репутации». Не слушая возражений и ссылаясь на выдуманное, смертельно неотложное дело, принцесса приказала немедленно подать карету. Их экипаж на предельной скорости помчался прямиком к городскому особняку лорда Валериана.

Канцлер принял ее в своем просторном, залитом безжалостным утренним солнцем кабинете. В его глазах промелькнуло мимолетное удивление от столь раннего визита. Чтобы матроны у двери не услышали ни единого слова, Селеста, едва сдерживая внутреннюю дрожь, настойчиво увлекла Валериана к дальнему окну.

Она сделала шаг вперед, сознательно ломая все барьеры приличий. Прижавшись почти вплотную к его черному камзолу, девушка отчетливо чувствовала исходящее от него мужское тепло, и от этой близости у нее сладостно и страшно кружилась голова. Задыхаясь от паники, принцесса горячим, прерывистым шепотом выплеснула все, что подслушала в тайном проходе. Слова путались, вылетали рваными толчками: про три отведенных дня, тайную лабораторию, сонный яд в вентиляции...

Валериан слушал, не перебивая. Его серые глаза, похожие на грозовое небо, опасно сузились, а на благородном лице отразилась глубокая сосредоточенность. Он поверил ей. Девушка видела это по тому, как каменно напряглись его широкие плечи. Лорд уже открыл было рот, собираясь задать уточняющие вопросы, как вдруг внутри принцессы что-то окончательно сломалось. Страх за его жизнь затмил остатки разума, и она совершила ошибку.

— Вы должны бежать, скрыться, Валериан! — в отчаянии выдохнула она, почти теряя сознание от ужаса и отчаянно хватая его за лацканы камзола. — Слышите?! Убить вас планирует мой отец. Король.

В ту же минуту лорд Валериан превратился в ледяную статую. Тепло, еще мгновение назад тлевшее в его сером взгляде, испарилось без следа. Мужчина был беспредельно, до мозга костей верен короне. Сама мысль о том, что обожаемый им государь способен плести заговоры за его спиной, показалась канцлеру опасным, кощунственным абсурдом. В его глазах Селеста превратилась из испуганной девушки в расчетливую интриганку. Он решил, что юная принцесса, начитавшись запрещенных романов, затеяла собственную игру, преследуя лишь одну цель — поссорить его с монархом.

— Ваше Высочество, — произнес он чужим, звенящим от холода голосом.

Сделав резкий шаг назад, Валериан безжалостно разорвал ту зыбкую, интимную дистанцию, что минуту назад согревала ее изнутри.

— Вы переутомились после вчерашнего празднества во дворце. Очевидно, вам приснился реалистичный, кошмарный сон.

— Это не сон, клянусь вам всеми богами! — из глаз Селесты хлынули жгучие, горькие слезы, а голос снова предал ее, сорвавшись в беспомощный, жалкий лепет. — Я... я сама слышала. Там, в стене, в потайном проходе... Валериан, умоляю!

— Довольно, - оборвал ее канцлер.

Он вскинул руку, жестом подзывая застывших у входа пожилых матрон.

— Леди, принцессе нездоровится. Пожалуйста, отвезите ее во дворец и вызовите королевского лекаря. Доброго дня, Ваше Высочество.

Он повернулся к ней спиной, давая понять, что аудиенция окончена.

Селесту вели к карете под руки, словно безжизненную куклу, а в ее груди в этот момент бушевало черное отчаяние. Земля уходила из-под ног. До страшного покушения оставалось всего три дня, а любимый мужчина посчитал ее лгуньей и выставил за дверь, а главным, самым опасным врагом оказался ее собственный отец.

Глава 4

Весь оставшийся день Селеста, словно загнанная в ловушку птица, в панике металась по своим роскошным, ставшим тюрьмой покоям. Обеспокоенные матроны, суетившиеся вокруг, уверились в том, что принцесса смертельно больна. Девушка отказывалась от еды и воды, ее губы пересохли, а на бледных щеках болезненным, пугающим маком горел лихорадочный румянец. Вызванный в спешке придворный лекарь так и не сумел определить причину столь внезапного недуга. Но, видя крайнее, граничащее с безумием истощение королевской дочери, применил усыпляющую магию.

Утром Селеста открыла глаза, чувствуя себя отдохнувшей. Голова была ясной, хотя осознание того, что до покушения оставалось всего два дня, обожгло сердце ледяной тревогой. Впрочем, панический страх быстро отступил, уступая место решимости. За часы вынужденного сна ее подсознание соткало безумный, отчаянный план.

Валериана нужно спасти вопреки его собственной воле. Чего бы это ни стоило. Единственный способ удержать упрямого канцлера подальше от лаборатории — скомпрометировать его. Разрушить его безупречную репутацию. Сделать это собой, собственной честью.

Дождавшись сумерек, принцесса накинула темный плащ прямо поверх тончайшей шелковой сорочки, которая едва прикрывала тело. Ткань ласкала кожу, напоминая о том, на какой безумный шаг она идет. Ей чудом удалось перехватить канцлера у выхода из замка, когда он уже собирался покинуть резиденцию.

— Милорд, подождите, — с неожиданной уверенностью окликнула она его.

Валериан обернулся. Его серый взгляд, устремленный на принцессу, был настороженным. Она заставила себя сделать глубокий вдох, молясь, чтобы сумасшедший стук сердца не выдал ее с головой, и заговорила ровно, глядя ему прямо в глаза:

— Я хочу извиниться за свой вчерашний визит, лорд Валериан. Это была всего лишь... проверка. Мой отец, просил меня разыграть ту абсурдную сцену, чтобы испытать вашу легендарную верность короне. Вы прошли это испытание безупречно. И сейчас Его Величество ждет вас для крайне важного, тайного разговора в пустующем крыле замка. Пойдемте со мной.

Лорд Валериан на мгновение нахмурился, его взгляд скользнул по ее лицу, пытаясь распознать скрытый подвох. Но поскольку речь шла о прямом, пусть и тайном приказе суверена, чувство долга перевесило сомнения. Канцлер молча последовал за принцессой, чей силуэт едва угадывался в сгущающемся полумраке замковых коридоров.

Селеста привела его в заброшенные, пустые покои на третьем этаже, где воздух казался застывшим и холодным, как в склепе.

— Подождите здесь минуту, я предупрежу отца, — прошептала она и выскользнула в коридор, оставив мужчину в полумраке комнаты.

Там, в тени колонны, ее уже ждала доверенная служанка. Девушка кивнула ей, давая сигнал для матрон. Ловушка захлопнулась. Все было рассчитано до единой минуты. Стоило принцессе вернуться в комнату, как в коридоре снаружи послышались торопливые, шуршащие шаги и нарочито громкие причитания пожилых дам. Матроны разыгрывали спектакль как по нотам, «случайно» ведя по этому крылу самого короля в сопровождении нескольких влиятельных, падких на сплетни министров.

Времени не оставалось.

Прежде чем ручка двери дернулась, принцесса одним отчаянным движением сбросила плащ на пол. Ткань упала к ее ногам, оставив девушку беззащитной и обнаженной перед лицом грядущего позора.

В ту же секунду дверь распахнулась. В полумрак покоев безжалостно хлынул свет факелов, вырывая из темноты и являя застывшим на пороге зрителям шокирующую, немыслимую

картину: юная, полураздетая принцесса в предельно неподобающем виде наедине с мужчиной в уединенных покоях.

Лицо короля в одно мгновение налилось яростным, багровым цветом. Вена на его виске вздулась от гнева. Стоявшие за его спиной министры замерли, а затем разразились ядовитым шепотом.

Селеста не выдержала. Напряжение от только что провернутой интриги, страх перед яростью венценосного отца и, главное, перед леденящим взглядом Валериана сломали ее. Она шумно разрыдалась. Эти слезы были настоящими, горькими — ее тело била крупная дрожь. Положение было хуже некуда, девичья честь и репутация отныне лежали в руинах, растоптанные на глазах у высшего света. Но в этой темноте была одна победная вспышка: теперь упрямый канцлер точно не попадет в свою смертоносную лабораторию. Она спасла его.

— Взять его! — прорычал король, указывая дрожащим от ярости пальцем на безмолвного Валериана. — Немедленно уведите принцессу! С глаз моих!

Ахающие, суетливые матроны коршунами набросились на девушку. Они поспешно накинули ей на плечи плащ и под руки утащили рыдающую, почти теряющую сознание девушку обратно в ее покои.

Валериан же остался стоять неподвижно. В этот жуткий миг его благородное лицо напоминало маску, высеченную из белого мрамора. Под конвоем вооруженных гвардейцев его повели на допрос в кабинет короля. Туда же, испуганно переглядываясь и предвкушая грандиозный скандал, поспешили и растерянные министры.

Глава 5

Скандал, разразившийся в королевском кабинете, эхом докатился до самой палаты лордов, однако казнить канцлера государь так и не решился. Лорд Валериан обладал сокрушительным влиянием — за его спиной стоял весь сыск королевства, и любая беспричинная расправа подняла бы бунт среди высшей знати. Всю ночь министры вели яростные споры, пытаясь отыскать лазейку в этом щекотливом положении, пока наконец не пришли к единственному выходу.

— Свадьба, — вынесли они свой вердикт. — Смыть позор с королевского дома можно только браком, Ваше Величество.

Для монарха это решение стало сокрушительным крахом. Тщательно спланированное покушение, назначенное на следующий день, сорвалось в один миг — канцлера больше не выпускали в его лабораторию. Вместо этого Валериана заперли в собственных покоях под присмотром гвардейцев. Официально — ради его же безопасности, на деле — чтобы птица не упорхнула из золотой клетки до венчания.

Однако отступать король не собирался. Раз уж разыграть несчастный случай среди пробирок и ядов больше не получалось, строптивого канцлера следовало лишить власти и полностью изолировать. Одновременно с объявлением о помолвке Его Величество подписал тайный указ: сразу после церемонии новоиспеченные супруги обязаны покинуть столицу. Их ждала ссылка в самое глухое поместье Валериана у северных границ.

День свадьбы прошел для Селесты словно в удушливом тумане. Своды полупустого храма давили на плечи, а атмосфера казалась зловещей. Валериан стоял у алтаря — безупречный, бледный, холодный. Его серые глаза, похожие на застывший лед, оставались непроницаемыми. Он ни разу и не взглянул на девушку, хотя она на протяжении всей церемонии сжимала его ладонь.

Брачная ночь, которая должна была стать триумфом или катастрофой, встретила принцессу одиночеством. В роскошной, залитой лунным светом спальне она осталась одна. Лорд Валериан так и не переступил порог, предпочтя брачному ложу жесткий диван в своем кабинете на другом конце особняка.

Однако девушка, покорно сидя на краю огромной кровати в тяжелом, усыпанном жемчугом подвенечном платье, чувствовала себя почти счастливой.

Ей не нужно было притворяться перед собой. Да, муж презирал ее. Да, в его глазах она оставалась расчетливой, коварной интриганкой, которая безжалостно растоптала его свободу и разрушила привычную жизнь. Но самое главное — он был жив.

Смертельная опасность, нависшая над его головой, миновала. Ради его жизни Селеста была готова стерпеть любую ненависть.

Уже на рассвете у парадных ворот их ожидала дорожная карета без опознавательных знаков. Не было ни пышных придворных проводов, ни королевского благословения — молодожены покидали столицу как изгнанники.

Оказавшись внутри экипажа, принцесса устроилась на сиденье прямо напротив своего пугающе молчаливого мужа. Она отрешенно наблюдала сквозь заиндевевшее стекло, как медленно уплывают вдаль и растворяются в утренней дымке шпили родного замка.

Глава 6

Долгий путь до северного поместья растянулся на целую неделю. С каждым пройденным трактом суетливый, пропитанный интригами столичный мир оседал где-то позади, уступая место величию природы — бескрайним изумрудным лесам, пологим холмам и пронзительно-чистому, высокому небу.

Для принцессы Селесты это утомительное путешествие неожиданно обернулось удивительным откровением. Вся ее прошлая жизнь была заперта в душных дворцовых стенах, ограничена безупречными геометрическими линиями ухоженных королевских садов да редкими выездами на целебные источники. Но даже в те дни ее окружала такая напыщенная свита, что из окон кареты девушка не видела ничего, кроме расшитых канителью спин гвардейцев и монументальных фигур матрон. Здесь же, вдали от надзора двора, перед ней распахнулся настоящий и живой мир.

К удивлению сопровождавших их слуг, королевская дочь оказалась неприхотливой попутчицей. Она ни разу не позволила себе жалоб на бесконечную тряску экипажа. На стоянках у придорожных таверн Селеста с удовольствием разминала затекшие ноги, подставляя лицо навстречу резкому, прохладному ветру. С аппетитом ела простую трактирную еду — наваристую похлебку и ломаный руками теплый домашний хлеб. Эта грубая пища казалась ей в сто крат вкуснее изысканных дворцовых деликатесов.

С неподдельным, почти детским восторгом принцесса разглядывала случайных прохожих, раскидистые лапы деревьев и деревенские домики. С каждым километром, отдаляющим ее от отцовского замка, глубоко внутри девушки крепло незнакомое ей чувство свободы и безграничного простора.

Лорд Валериан на протяжении всей дороги оставался подчеркнуто холоден. Большую часть пути он хранил молчание: либо углублялся в чтение документов, либо отрешенно созерцал мелькающие за окном пейзажи.

Однако Селеста то и дело ловила на себе его украдкие взгляды. Аналитический ум тайного канцлера отчаянно буксовал. Он никак не мог сопоставить образ расчетливой, хищной интриганки, которая обманом затащила его к алтарю, с этой тихой девушкой. Девушкой, которая сейчас с восторгом любовалась блеском обычного лесного ручья. Валериан упорно пытался разгадать ее тайную игру, выстраивал сложные схемы и просчитывал многоходовки, которых в реальности просто не существовало.

Принцесса же постепенно привыкала к его присутствию. Мужчина, некогда внушавший ей благоговейный трепет, больше не казался недосягаемой грозовой тучей. Страх и девичья робость мало-помалу отпускали ее сердце.

На четвертый день пути, когда Валериан без единого слова протянул ей флягу с водой, она не вздрогнула и не замямлила, как делала это раньше.

— Спасибо, милорд. Сегодня очень пыльная дорога.

Канцлер лишь кивнул, вернувшись к своим бумагам.

Селеста не пыталась заглядывать в будущее. Она не строила иллюзий и не планировала немедленно штурмовать крепость его сердца. Все в ее судьбе произошло слишком стремительно, старая жизнь была разрушена, но сейчас, под убаюкивающий, мерный стук колес, она чувствовала себя счастливой. Муж был жив. Смертельная опасность осталась далеко в столице, а впереди их ждал новый, неизведанный замок, способный стать для них обоих либо тюрьмой, либо спасением.

На исходе седьмого дня, когда солнце зацепилось за верхушки мрачных елей, карета миновала ворота и въехала во внутренний двор уединенного поместья лорда Валериана.

Глава 7

Северное поместье встретило уютом и простым деревенским теплом.

Принцесса была искренне, по-детски рада каждой мелочи в своем новом убежище. Ей пришлась по душе просторная, залитая мягким предвечерним светом комната с видом на старый сад. Она быстро нашла общий язык с двумя молодыми, немного робкими служанками, которые поначалу трепетали перед королевской дочерью, но потом оттаяли, проникнувшись к ней искренней симпатией. Особым же восторгом для Селесты стала кухарка — смешливая, круглолицая женщина, которая без умолку тараторила, наполняя дом уютными звуками, и пекла потрясающие пироги.

Даже шумные куры, деловито сновавшие по внутреннему двору, и добродушные, пахнущие парным молоком коровы на дальнем пастбище вызывали у Селесты неподдельное восхищение. Впервые в жизни над ней не довлели строгие взоры надменных матрон и рамки напыщенного дворцового этикета. Наслаждаясь этой непривычной свободой, принцесса тихонько обустраивалась на новом месте: расставляла свои немногочисленные вещи, вешала в шкаф платья и с наслаждением вдыхала терпкий аромат свежего дерева и сушеной лаванды.

Лорд Валериан, напротив, с первых же минут прибытия полностью отгородился от этого мирного оазиса.

Он сразу же уединился в мрачном кабинете. Последние недели, до предела насыщенные политическим противостоянием, предательством, браком по принуждению и позорной ссылкой, до капли истощили его внутренние резервы. Заперев двери на засов, канцлер часами пребывал в глубокой медитации. Он отчаянно пытался усмирить и упорядочить свои темные силы — магию тьмы, которая после пережитого стресса стала нестабильной и рвалась наружу.

Завершив очередное погружение в себя, Валериан приоткрыл дубовую дверь кабинета и внезапно замер на пороге, едва сдерживая резкий выдох.

Тьма, которая всегда подчинялась лишь его железной воле, вела себя странно. Послушные обычно шлейфы антрацитового дыма в этот раз не вернулись покорно в его ауру. Вместо этого они живыми, ластящимися лентами потянулись по коридору, следуя по пятам за проходящей мимо Селестой.

Пораженный до глубины души, Валериан двинулся следом за собственной непослушной магией. Завернув за угол, он застыл, заметив невероятную картину.

Его темная магия ластилась к девушке, обвивая подол ее домашнего платья, словно ласковый, преданный зверь.

Принцесса не только не отшатнулась в ужасе от зловещей энергии, от одного взгляда на которую обычные люди падали в обморок. Нет, на ее губах расцвела теплая улыбка. Когда магия Тьмы сгустилась, обретая едва осязаемую плотность, девушка без малейшей опаски опустила ладонь. Ее тонкие пальцы принялись поглаживать черные искрящиеся сгустки, будто перед ней был пушистый котенок. В ответ на это прикосновение безжалостная стихия довольно затрепетала, рассыпаясь мириадами угольных искр.

Валериан наблюдал за происходящим в изумлении. Его Тьма, рожденная из векового холода, боли и могильной земли, не просто не причиняла вреда — она безудержно тянулась к ней, чужачке, и находила в ее присутствии долгожданный покой.

Совместные трапезы постепенно, незаметно для них обоих, превратились в приятную традицию. Каждый день они встречались друг напротив друга в небольшой, залитой светом столовой. Разговоры, поначалу напоминавшие сухие допросы, с каждым разом становились чуточку длиннее, хотя все еще оставались очень общими, безопасными. Они бережно обходили стороной опасные темы.

— Сегодня на удивление тепло для северных земель, милорд, — заметила Селеста, грациозным движением передавая ему блюдо со свежим запеченным картофелем, от которого шел пар. — Кухарка говорит, что лето в этих краях обещает быть долгим.

— Да, тепло — редкость для здешних мест, — спокойно отозвался Валериан, принимая блюдо. Его взгляд на долю секунды задержался на тонких пальцах, помнивших прикосновение его магии. — Надеюсь, местная простая еда вам еще не приелась? Она отличается от столичных деликатесов.

— Напротив, она восхитительна, — отозвалась принцесса, и в ее глазах промелькнули озорные искорки. — В отцовском замке все казалось слишком... сложным, искусственным. А здесь у еды наконец-то появился настоящий, живой вкус.

В этот вечер они неторопливо говорили о капризах северной погоды, о забавных повадках местных коров и тайных рецептах их круглолицей кухарки.

Глава 8

Тихий стук серебряных приборов о фарфор прозвучал в столовой как финальный аккорд. Очередной совместный ужин подходил к концу, но напряжение, поселившееся между ними со дня столичного скандала, никуда не исчезло. Лорд Валериан откинулся на спинку кресла, буравя Селесту взглядом. Его холодный, аналитический ум лорда-канцлера, привыкший раскладывать государственные интриги на безупречные составляющие, не выносил белых пятен. А поведение принцессы запутало его окончательно.

— Ваше Высочество, — разбил тишину его голос, заставив девушку невольно вздрогнуть. — Полагаю, игру в молчанку пора заканчивать. Мое терпение на исходе, и я хочу знать правду. Зачем вы это сделали? К чему был весь этот фарс?

Селеста невольно опустила взгляд, судорожно сжав пальцы. Привычная робость перехватила горло, но неделя, проведенная в совместном пути, и спокойные дни в поместье научили ее не пасовать перед этим мужчиной.

— Я отвечу то же самое, что говорила в вашем кабинете, милорд, — произнесла она, заставив себя расправить плечи. — Я подслушала разговор. Мой отец планировал ваше убийство. Вас должны были отравить в собственной лаборатории через три дня.

Валериан едва заметно сузил глаза. В них привычно блеснула сталь недоверия. Он подался вперед, сокращая расстояние между ними.

— Допустим. Но даже если на мгновение представить, что это безумие — чистая правда... ответьте мне на главный вопрос, Селеста. Зачем? Зачем вам спасать мою жизнь? Вы — принцесса крови. Ради чужого человека, которого считают опасным чернокнижником, вы растоптали собственную репутацию. Пошли против воли короля и оказались в ссылке на самом краю земли. Ради чего все это?

Селеста, превозмогая внутреннюю дрожь, подняла на него взгляд. В груди безумной птицей билось растревоженное сердце, но она лишь крепче стиснула зубы, заставляя себя сохранять внешнее хладнокровие. Открыть ему душу сейчас, когда в его глазах она выглядит лишь умелой интриганкой, было выше ее сил. Эта тайна останется при ней.

— Я не скажу вам этого, — ответила она, поднимаясь из-за стола и кутаясь в шаль, словно пытаясь защититься от его пронзительного взгляда. — По крайней мере, до тех пор, пока вы сами не разберетесь в этом заговоре. Ищите ответы сами, милорд.

С этими словами принцесса стремительно покинула столовую. Шлейф ее платья тихо шуршал по паркету, оставляя после себя шлейф лаванды и… горчащее послевкусие недосказанности. Гордый лорд-канцлер остался замешательстве.

Слова девушки, прозвучавшие спокойно, с горьким достоинством, — заставили Валериана задуматься. Логика, которая никогда прежде его не подводила, теперь упрямо твердила: в столице разворачивается нечто зловещее, скрытое от глаз его ищеек. В тот же вечер в окнах его кабинета допоздна горел магический светильник. Валериан заперся изнутри, составляя зашифрованные депеши для тех немногих людей в Тайной канцелярии, чья верность была проверена годами и кровью.

Эта переписка с далеким, бурлящим интригами севером тянулась мучительно медленно. Из-за огромного расстояния и строжайших мер предосторожности, вынуждавших гонцов путать следы, каждое послание шло с опозданием почти в две недели. Валериан буквально по крупицам собирал мозаику предательства, скрупулезно анализируя случайные слухи, мелкие кадровые перестановки при дворе и даже тональность донесений. Картина не складывалась, пока не наступил день развязки.

Спустя месяц, когда утренний туман еще плотно окутывал поместье, прибыл очередной всадник на взмыленной лошади с пометкой «экстренно». Развернув плотный пергамент, Валериан бегло пробежал глазами по строчкам шифра, и внутри у него все заледенело. Из столицы сообщали то, во что его разум отказывался верить: король подписал мирный и военный союз с их давним, вероломным врагом — Южным королевством. И что самое чудовищное — в знак нерушимости этого договора монарх безвозмездно, одним росчерком пера передал чужакам богатейшую приграничную провинцию. Страна оказалась на грани катастрофы.

В этот миг в голове лорда-канцлера разбилось зеркало иллюзий. Разрозненные, казавшиеся безумными детали мозаики, со щелчком встали на свои места, являя миру единую, страшную картину. Интрига венценосного отца Селесты, скрытая за вуалью недомолвок, стала пугающе ясной.

Король давно, методично готовил этот позорный, предательский союз. Но монарх прекрасно знал: пока лорд Валериан занимает пост главы Тайной канцелярии и стоит на страже интересов государства, этой сделке не бывать. Валериан вывернул бы наизнанку всю южную агентуру, перехватил бы золото шпионов и камня на камне не оставил от указа в совете министров. Канцлер был костью в королевском горле. Его требовалось убрать любой ценой — быстро, тихо, без лишнего шума. И именно для этого южане готовили удар кинжалом или каплю яда в его личной лаборатории.

Тогда, в столице, покушение сорвалось лишь из-за вмешательства принцессы. Но расчетливый монарх не растерялся и переиграл ситуацию: скандал и поспешная ссылка лишили Валериана власти не хуже могилы. Его просто выставили за дверь, изолировав от государственных дел. Канцлера успешно убрали с шахматной доски, и позорный договор был беспрепятственно подписан.

Валериан сидел у окна, сжимая в кулаке несчастный лист пергамента. Его первородная магия Тьмы — чуткая к эмоциям хозяина — яростными искрами заплясала вокруг пальцев, грозя испепелить донесение. Мужчина задыхался от гнева, но этот гнев больше не был направлен на девушку.

Он понял все.

Хрупкая, пугливая принцесса Селеста, которая бледнела от одного его взгляда, закрыла его собой от неминуемой гибели. Чтобы подарить ему жизнь, она добровольно шагнула в костер: пожертвовала девичьей честью, положением при дворе, любовью отца и оказалась сослана на край земли. Ради него.

Глава 9

Впервые за все дни их ссылки в поместье лорд Валериан шел к дверям покоев своей жены не как равнодушный попутчик. В груди теснилось незнакомое, жгучее чувство вины. Грозный глава Тайного сыска, привыкший щелкать чужие судьбы как орехи и просчитывать людей на десять ходов вперед, вынужден был признать свое поражение. Поражение перед хрупкой девчонкой, оказавшейся сильнее всех его закаленных в интригах ищеек.

Он коротко постучал костяшками пальцев по дереву. Едва изнутри донеслось «Войдите», Валериан решительно толкнул дверь.

Селеста сидела в кресле у высокого окна. На ней было простое домашнее платье, а на коленях уютно покоился раскрытый том какой-то старинной легенды. Угасающее закатное солнце мягко, интимно подсвечивало золото в ее каштановых волосах, создавая вокруг тонкого силуэта подобие нимфа. Стоило ей увидеть мужа, как она инстинктивно напряглась, а пальцы крепче сжали кожаный переплет. В ее глазах читалось бесконечное, горькое терпение женщины, уставшей оправдываться.

Валериан подошел и остановился всего в паре шагов.

— Ваше Высочество, — начал он, и его голос на долю секунды дрогнул. — Я пришел, чтобы вернуть долг. И признать свою непростительную, чудовищную слепоту.

Девушка удивленно приподняла брови, вскинув на него растерянный взгляд.

— Из столицы пришел ответ от моих людей, — продолжил канцлер, ловя ее взгляд и не позволяя отвернуться. — Все подтвердилось. Король подписал союз с Южным королевством. Им безвозмездно отдана наша богатейшая приграничная провинция. Вы были правы… правы от первого до последнего слова. Мой государь, которому я служил годами, действительно готовил мою смерть. Потому что знал: я не допустил бы этого позора для нашей страны.

Селеста охнула, прижимая ладонь к побелевшим губам. В ее распахнутых глазах в этот миг отразился целый вихрь сменяющих друг друга чувств: облегчение от того, что ее страшная правда наконец-то принята, и скорбь дочери, чей отец растоптал остатки ее детской веры в него.

Валериан сделал порывистый шаг вперед и вдруг опустился перед ней на одно колено. Этот жест от всесильного, гордого магистра Тьмы выглядел настолько невероятно, что она вздрогнула, а старинный том выскользнул из ее ослабевших пальцев.

— Вы знали, что рискуете всем, — негромко, но с такой страстью произнес он. — Своим честным именем, положением в обществе, свободой. Вы перенесли мой холод, мои оскорбительные подозрения и откровенную грубость. Но вы спасли меня, принцесса. Мой циничный ум искал в ваших действиях шпионаж и коварство, а столкнулся… с благородством. Я умоляю о прощении за то, что был слеп и не поверил вам. Спасибо вам, Селеста. Моя жизнь отныне безраздельно принадлежит вам.

Девушка смотрела на него, чувствуя, как растревоженное сердце готово выпрыгнуть из груди. Тот самый лорд Валериан — недосягаемый мужчина, о мимолетном внимании которого она в столице не смела даже грезить, — сейчас стоял перед ней на коленях.

Она робко протянула руку и коснулась его напряженного плеча.

— Пожалуйста, встаньте, — ее голос прозвучал удивительно мягко и певуче. — Я сделала лишь то, что велела мне совесть. Я просто… не могла позволить вам погибнуть.

Канцлер, не сводя с нее потемневшего взгляда, поднялся с колен. Теперь, когда главная политическая загадка королевства была сброшена со счетов, перед ним во весь рост встал новый, куда более личный вопрос. Он помнил, как его темная магия — хищная и строптивая

— ластилась к этой хрупкой девушке. Он видел, с какой самоотверженностью принцесса бросилась под удар ради него.

В глубине его души зрела, расцветала догадка об истинной, сокровенной причине ее подвига, но Валериан все еще не решался облечь эту трепетную тайну в строгие слова.

Глава 10

Осознание того, что мосты сожжены и возврата к прежней жизни нет, принесло лорду Валериану странное, давно позабытое чувство внутренней свободы. Он больше не был всесильным главой Тайной канцелярии, чьи дни пожирали бесконечные допросы, интриги и сухие государственные отчеты. Здесь, в отрезанном от суетного мира северном поместье, у него впервые за долгие годы появилось время… просто оглядеться вокруг.

Встал резонный и неожиданный вопрос: чем занять себя в этой глуши? Прошлое осталось за чертой, и мужчине требовалось куда-то перенаправить свою кипучую, деятельную энергию, которая требовала выхода. Заняться ли обустройством запущенного имения? Или… своей удивительной, загадочной женой?

Валериан с изумлением поймал себя на мысли, что образ Селесты не покидает его. Он стал пристально, с затаенным дыханием приглядываться к принцессе, стремясь разгадать ее, словно сложную маскировочную иллюзию. За совместными обедами канцлер увлеченно расспрашивал ее о прочитанных книгах, о девичьих мечтах в холодном родительском замке. И с каждым днем он обнаруживал, насколько глубок, тонок и чист ум этой удивительной девушки, которую в столице он опрометчиво считал безмолвной, покорной тенью на королевских советах. Селеста, чувствуя его искренний интерес и тепло, расцветала на глазах. Из ее голоса исчезла пугливая дрожь, она больше не тупила взор, а говорила с ним на равных — с мягким достоинством истинной королевы его сердца.

Однако, несмотря на хрупкий семейный уют, постепенно окутывавший поместье, аналитический ум Валериана отказывался мириться с предательством монарха. Гордость магистра Тьмы не позволяла ему покорно сидеть на краю земли, пока его страну, которую он годами защищал, вероломно отдавали по кускам чужакам.

«Я смогу переломить этот ход, — все чаще думал он, меряя шагами полумрак кабинета под тихий шепот своей магии. — Я заставлю короля пожалеть о содеянном. Даже отсюда, из изгнания».

С этого дня уединение северного поместья превратилось в иллюзию. Лорд-канцлер развернул полномасштабную, скрытую от посторонних глаз войну, активизировав все спящие каналы связи со столицей. Теперь его шифрованные депеши больше не напоминали робкие расспросы изгнанника — в них звучал прежний, не терпящий возражений голос хозяина Тайного сыска. Его приказы, жесткие и математически выверенные, летели к верным министрам, преданным офицерам и шпионам, готовым по первому знаку своего магистра разорвать устоявшийся придворный порядок.

Валериан начал медленно, но с неотвратимостью сходящей с гор лавины раскачивать ситуацию у самого подножия трона. Пожар дворянского недовольства. Через доверенных лиц он приказал пустить в кулуарах власти ядовитые, подкрепленные цифрами слухи о колоссальных убытках, которые повлечет за собой потеря провинции. Столичная знать, больше всего боявшаяся за свои кошельки, заволновалась.

Его преданные люди в ведомствах начали искусно, шаг за шагом саботировать любые распоряжения нового канцлера-марионетки, которого король поспешно посадил на место Валериана. Любые указы преемника тонули в бюрократическом болоте и нелепых ошибках. Сам Валериан зарывался в древние фолианты законов и своды фамильного права, скрупулезно отыскивая любые юридические и политические лазейки, способные признать позорный союз с Южным королевством недействительным.

Сеть была раскинута, и Валериан методично затягивал петлю на шее тех, кто посчитал его списанной фигурой.

Глава 11

Пока в далекой столице медленно, но неотвратимо зрело организованное им недовольство, в самом северном поместье лорда Валериана набирала силу куда более опасная, неконтролируемая стихия. Его магия Тьмы окончательно отбилась от рук своего создателя. Почуяв истинную хозяйку дома, она больше не желала покорно ждать у дверей кабинета, а повсюду следовала за принцессой ласковой, беззвучной тенью.

В один из дней, когда Селеста задумчиво выбирала книги в полумраке старинной библиотеки, соткавшийся из морозного воздуха дымный шлейф окончательно обнаглел. Густая, пронизанная искрами Тьма робко, но удивительно осязаемо скользнула по подолу платья и обвила изящную щиколотку девушки, согревая кожу почти интимным, потусторонним теплом. От неожиданности девушка тихо вскрикнула, выронив тяжелый фолиант.

Валериан, работавший за столом в углу зала, мгновенно вскинул руку. С явным, видимым усилием, глухо выругавшись, он волевым приказом заставил взбунтовавшуюся стихию втянуться обратно в его ладонь.

Наступила оглушительная тишина. Оба замерли, сгорая от внезапного смущения. Выверенное годами хладнокровие лорда-канцлера дало глубокую трещину, а Селеста густо, до самых кончиков ушей покраснела. Коротко, неловко извинившись, они поспешно разошлись по своим комнатам, спасаясь бегством.

Вот только делать вид, что ничего не произошло, получалось из рук вон плохо. Канцлер весь остаток дня мерился шагами с угла в угол, не в силах выкинуть из головы мимолетный образ ее приоткрывшейся щиколотки и шелковистой нежной кожи. Принцессу же до самых сумерек бросало в жар при воспоминании о волнующем прикосновении его темной силы, которая ласкала ее так, словно принадлежала ей одной.

Вечером лорд Валериан, ведомый этим непривычным смятением, совершил восхитительную глупость, на которую способны только влюбленные, но упрямые мужчины.

«В конце концов, она — моя законная жена», — подумал он, решительно распахивая шкаф с лучшими камзолами, пока сердце в груди громко отсчитывало удары.

Слегка, почти символически постучав, он решительно толкнул дверь ее спальни. Селеста, уже готовившаяся ко сну, сидела перед туалетным столиком в одном тонком пеньюаре, сквозь который угадывались соблазнительные очертания ее хрупкой фигуры. Вздрогнув от неожиданного стука, она испуганно вскочила ему навстречу, уверенная, что из далекой столицы пришли новые, зловещие вести.

— Валериан? Что-то случилось? — встревоженно выдохнула она, прижимая руку к груди.

Лорд-канцлер, чье дыхание напрочь перехватило от этого дразнящего, полураздетого вида принцессы, ничего не ответил. Самоконтроль окончательно покинул его, а обычно ясный разум сейчас замкнуло от близости желанной женщины. Он медленно пошел прямо на нее, не сводя потемневшего взгляда с ее подрагивающих губ.

— Прости, что не приходил со дня нашей свадьбы, — его голос звучал непривычно низко. — Я… дурак, хотел дать тебе время привыкнуть к этой глуши. К моему присутствию.

Прежде чем Селеста успела осознать смысл этих слов, Валериан одним движением сократил разделявшее их расстояние. Его сильные руки собственнически перехватили ее за тонкую талию, прижимая к груди, и мужчина накрыл ее рот требовательным, обжигающим поцелуем.

Принцесса замерла в шоке, не в силах даже вздохнуть. Ее бросило в жар, но ощущения от первого в жизни поцелуя оказались слишком острыми, пугающими и внезапными для ее

неискушенного сердца. На какую-то безумную, сладкую секунду поддавшись этому напору и ласке, она тут же опомнилась. Обида и страх вспыхнули внутри нее. Девушка отпрянула от него.

— Что… что вы себе позволяете, милорд?! — прерывисто выдохнула она, прижимая дрожащие пальцы к горящим губам. В ее глазах стояли слезы.

— Ты моя законная жена, — Валериан, ведомый упрямым, пробудившимся мужским инстинктом, снова потянулся к ней.

— Вы поздно об этом вспомнили! — Селеста уперлась ладонями в его грудь, отталкивая от себя. — Немедленно покиньте мою спальню, лорд Валериан!

Ее всю трясло от бушующего волнения, уязвленной гордости и горькой обиды за то, что он вспомнил о своих правах только сейчас.

Лорд-канцлер, умнейший человек королевства и гений Тайного сыска, сейчас выглядел на редкость растерянным, но его упрямство требовало довести дело до конца. Застыв на пороге спальни, он не нашел ничего лучше, как заговорить о… супружеском долге. Своей прямотой и неуместной логикой он окончательно разрушил всю хрупкую романтику момента.

— Уходите! Прекратите это! — со слезами на глазах закричала принцесса, указывая дрожащей рукой на дверь.

Валериан вздохнул и нехотя развернулся, но у самого выхода его аналитический склад ума выдал последний, самый сокрушительный аргумент. Он обернулся и с искренним мужским недоумением уточнил:

— Но ведь вы меня любите, верно? Раз пожертвовали всем и спасали мою жизнь…

Договорить лорд-канцлер не успел. Тяжелая фарфоровая пудреница, запущенная меткой рукой, с треском разбилась о косяк прямо над его головой. На безупречный черный камзол бывшего грозы Тайной канцелярии и его идеальные темные волосы обильным, пушистым облаком просыпалась ароматная розовая пудра вперемешку с тонкими осколками.

Ошарашенный Валериан поспешно ретировался, пока в него не полетело что-то потяжелее. Вернувшись в свой кабинет, он еще долго отряхивал дорогую ткань, но на его губах — все еще хранивших вкус лаванды — блуждала странная, ошарашенная улыбка. Перед глазами мужчины упрямо стоял образ Селесты: ее невероятные, горящие праведным гневом глаза и этот украденный, мимолетный, но такой сладостный поцелуй.

А Селеста так и осталась стоять посреди разгромленной спальни, кутаясь в шелк пеньюара и не зная, смеяться ей теперь или плакать. Она так долго страдала от его равнодушия. Так отчаянно, пусть и втайне, добивалась его внимания, его взгляда… И почему же в итоге, когда он сам пришел к ней, она выставила его вон?

Глава 12

Следующее утро перевернуло все вверх дном.

Когда Селеста переступила порог залитой солнцем столовой, ее сердце пропустило удар. Лорд Валериан уже ждал ее. И это был... другой Валериан. Куда-то исчез его вечный, застегнутый на все пуговицы камзол, больше похожий на глухую броню. Тонкая белая рубашка, расстегнутый ворот, открывающий сильную шею, слегка взъерошенные темные волосы — в этом утреннем свете строгий некромант выглядел ошеломляюще домашним. И непозволительно близким.

В его руках была охапка полевых цветов, на которых еще влажно поблескивали капли росы. Стоило девушке сделать шаг, как его темная магия, словно преданный, истосковавшийся пес, радостным шлейфом рванулась к ее ногам. Принцесса замерла, но Валериан коротким усилием воли укротил черные искры, заставив их раствориться в воздухе. Он оберегал ее. Даже от собственной тьмы.

— Доброе утро, — его голос прозвучал непривычно мягко.

Селеста вгляделась в его лицо. На его скулах все еще угадывались едва заметные следы вчерашней розовой пудры — глупое, нелепое напоминание об их ночи.

— Я пришел просить прощения, — он шагнул к ней, протягивая букет. Между ними мгновенно вспыхнуло то самое, едва укротимое напряжение. — За мою ночную поспешность. И за те глупые слова о долге.

Валериан замолчал, но его взгляд... Этот потемневший взгляд залип на ее губах. Он явно возвращался мыслями туда, в темноту спальни, заново пробуя на вкус их мимолетный, сумасшедший поцелуй.

Девушка вспыхнула, чувствуя, как к щекам приливает жаркий румянец. Она приняла букет, осторожно вдыхая тонкий, свежий аромат полевых трав. Валериан не упустил момента. Перехватив инициативу, он накрыл ее пальцы своей горячей ладонью.

— Извинения приняты, милорд, — едва слышно выдохнула Селеста. Голос коварно дрогнул, выдавая ее с головой.

Канцлер не спешил выпускать ее руку. В его жестах сквозила собственническая, мужская уверенность. Он увлек ее за собой и усадил за стол, ни на секунду не разрывая контакт. Валериан заговорил — увлеченно, делясь новостями столицы, опутанной дворцовыми интригами. Но принцесса почти не вникала в суть слов. Она сидела как завороженная. Ее тонкие пальцы так и остались лежать в его руке — и она не сделала ни единой попытки отстраниться, согреваясь его теплом и упиваясь этой минутной слабостью.

Некромант умело держал нить разговора, но его взгляд то и дело срывался, соскальзывал на ее лицо. Он жадно ловил каждое движение ее ресниц, каждый трепет губ. И когда девушка, расслабившись, подарила ему открытую, беззащитную и такую доверчивую улыбку, у Валериана сорвало предохранители. Поддавшись импульсу, он плавно наклонился к ней. Ближе. Еще ближе. Мужчина жаждал лишь одного — снова почувствовать под своими губами ее сумасшедшее, дурманящее тепло.

Селеста испуганно округлила глаза, глядя на приближающееся красивое лицо. Сердце птицей забилось в груди, ломая все барьеры. Но это был страх не перед ним — перед собой. Она выдернула ладонь и вылетела из столовой. Шлейф платья мелькнул в дверях, оставив всесильного канцлера одного.

И все же... Жизнь в этом затерянном поместье, укрытом от всего мира, казалась ей прекрасным, звенящим сном. Настоящим чудом. Главным источником ее робкого счастья было то, что Валериан наконец-то был здесь. С ней. Он больше не смотрел сквозь нее, как на пустое

место или досадную политическую необходимость. Он дарил ей свое драгоценное внимание, искал встреч, прислушивался к каждому слову.

Правда, после той утренней сцены они целых два дня вели себя как безупречные актеры. Подчеркнуто вежливо и натянуто, как струны, они делали вид, что между ними ничего не произошло.

У Валериана наконец-то созрел план — грандиозный, безупречный, филигранно просчитанный. Истинный шедевр политической интриги. Он намеревался вдребезги разбить предательский союз короля с обнаглевшими южанами, устроив им экономическую блокаду руками верных приграничных лордов. Мысли о спасении разваливающейся родины целиком поглотили его. Он часами просиживал в кабинете, и под его пером рождались ровные строчки шифрованных писем для столичных соратников. Все должно было пройти идеально.

Вот только его хваленая эффективность теперь давала серьезный сбой. Работа продвигалась мучительно медленно.

Время от времени бывший всесильный канцлер замирал. Перо застывало в пальцах, а с губ слетал тихий вздох. Валериан откидывался на спинку кресла и подолгу, с мечтательной улыбкой смотрел в окно.

Там, внизу, в залитом жидким золотом солнца старом саду, была она. Его личное, непостижимое чудо. Счастливая принцесса Селеста со звонким смехом бегала по траве, играя с местными лохматыми псами. Она казалась такой живой, такой беззащитной и настоящей на фоне той удушающей лжи, в которой он привык жить. И глядя на ее радость, грозный некромант ловил себя на мысли, что готов перевернуть всю империю — лишь бы этот смех никогда не утихал.

Глава 13

Вечернее солнце уже скрылось за зубчатыми верхушками деревьев, погружая поместье в мягкие сумерки, когда они закончили ужинать. Валериан, сменивший суровость на безупречную галантность, вызвался проводить Селесту до ее комнат. Весь путь по полутемным, окутанным тенями коридорам они прошли в уютном молчании, в котором отчетливо слышался стук их сердец. Но стоило им остановиться у порога ее спальни, как маски были сброшены.

Канцлер одним плавным решительным движением прижал принцессу к дверям, отрезая путь к отступлению. В следующее мгновение он накрыл ее губы своими.

На этот раз Селеста не успела испугаться или сбежать. Вся ее хваленая девичья робость испарилась, сгорая в огне вспыхнувшей страсти. Она полностью потерялась в этом требовательном и одновременно отчаянно-нежном поцелуе. Вскрикнув внутри себя от накатившего блаженства, она обвила руками его шею, утопая в шквале захлестнувших ее чувств и отвечая на его напор.

Вот только его первобытная темная магия, сорвавшаяся с поводка, лишилась контроля. Черные искры бесцеремонно и дерзко полезли девушке под юбку, обжигающе щекоча лодыжки и поднимаясь выше.

Вскрикнув от неожиданности и этой интимной наглости, Селеста оторвалась от его губ. Прерывисто дыша, она сердито выговорила канцлеру, чьи глаза сейчас буквально сияли от торжества и счастья:

— От вас, милорд, то доброго слова неделями не дождешься, то теперь отбиться невозможно! Юбку мою оставьте в покое!

Не дав ему опомниться, она юркнула в спальню и захлопнула дверь, тут же прижавшись к ней спиной. Сердце бешено, сумасшедше колотилось в груди, а на губах все еще горел вкус его поцелуя. Девушка сползла по двери, прижимая ладони к пылающим щекам. Она была безоговорочно, оглушительно счастлива.

Тем временем в столице и на южных рубежах запущенный Валерианом маховик набрал сокрушительную силу.

Его верные люди, приграничные лорды и преданные офицеры сыска действовали как единый, четко отлаженный механизм. Они железной хваткой заблокировали подписание и исполнение предательского союза. Торговля в одночасье встала, казна стремительно пустела без налогов, а доведенная до отчаяния знать открыто и дерзко роптала. Король быстро понял, чья именно гениальная, расчетливая голова координирует этот масштабный саботаж из далекой северной ссылки. Осознав, что законными методами упрямого канцлера не сломить, монарх пошел на крайность — переступил черту и подослал к нему наемных убийц.

Нападение произошло глубокой ночью, прямо в тишине уснувшего поместья. Валериана застали врасплох. Острое лезвие успело опасно, глубоко распороть бок, и от неминуемой гибели канцлера спасла лишь его собственная магия Тьмы.

Почуяв смертельную угрозу для своего повелителя, взбесившаяся, ревущая бездна сорвалась с цепи. Она черным шквалом вырвалась на волю и в считанные секунды испепелила нападавших, не оставив им ни единого шанса. По комнате разлетелись лишь горстки серого пепла.

Убийцы были мертвы, но Валериан остался лежать в постели, истекая кровью. Узнав о случившемся, Селеста забыла о своей робости и страхах. Она ни на шаг не отходила от его кровати, став его ангелом-хранителем. Принцесса сама, дрожащими пальцами меняла ему повязки, поила горькими целебными отварами и преданно, со слезами на глазах выхаживала раненого мага.

Валериан же, быстро сообразив, какими привилегиями обладает в своем новом статусе, бесстыдно и откровенно млел под ее нежными, заботливыми руками. Настоящий грозный некромант вдруг превратился в капризного, требовательного мужчину, который с тихим вздохом заставлял ее выполнять любые свои мелкие прихоти: то подушку повыше поправить, то подать воды обязательно из ее рук, то просто умоляюще просил посидеть рядом и крепко подержать его за ладонь.

И девушка с готовностью выполняла все, буквально светясь от безграничной нежности и любви к этому невыносимому, но такому родному человеку.

Поздней ночью, когда кризис наконец миновал и Валериан погрузился в спасительный сон, силы покинули принцессу. Изнуренная многочасовым дежурством, принцесса уснула в глубоком кресле прямо у его кровати, уронив голову на сложенные руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.